Симонов Константин Викторович

ДЖ. КЕРЗОН И ПОЛИТИКА АНГЛО-ИНДИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА В 1901-1904 ГГ.

Статья посвящена изучению одного из самых важных этапов в истории англо-афганских отношений начала прошлого века, когда по инициативе вице-короля Индии Дж. Керзона предпринимались попытки прямого военно-политического давления на Кабул. Их целью было превратить афганскую территорию в сферу преобладающего британского влияния. Позиция эмира Хабибуллы-хана направлена была на сохранение всей системы англо-афганских отношений в неизменном виде, без какого-либо их пересмотра.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 173-178. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

HYPOTHESIS AS FORM OF SCIENTIFIC COGNITION

Sidorenko Nikolai Ivanovich, Doctor in Philosophy, Professor
Plekhanov Russian University of Economics
filosofya@mail.ru, send.nis@gmail.com

Nowadays the development of modern science makes high demands of the philosophical foundations of science. Among them the gnosiological foundations of science are of special significance, which count for much. The renovation of knowledge in reference to the forms of scientific research is of vital importance here. One of these is a hypothesis. The article presents an original analysis of a scientific hypothesis as an element of theoretical attitude to the world. Innovations are introduced in the classification of scientific hypotheses, their structure and functions. The author investigates and reveals their nature, genesis, essence and stages of formulation and requirements for them in a new way.

Key words and phrases: scientific hypothesis; formulation of hypothesis; investigation of hypothesis; essence of hypothesis; theory; scientific method; cognition; activity.

УДК 94+327.82
Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению одного из самых важных этапов в истории англо-афганских отношений начала прошлого века, когда по инициативе вице-короля Индии Дж. Керзона предпринимались попытки прямого военно-политического давления на Кабул. Их целью было превратить афганскую территорию в сферу преобладающего британского влияния. Позиция эмира Хабибуллы-хана направлена была на сохранение всей системы англо-афганских отношений в неизменном виде, без какого-либо их пересмотра.

Ключевые слова и фразы: Великобритания; Афганистан; англо-индийское правительство; колониальная политика; территориальные споры; внешняя политика; дипломатия.

Симонов Константин Викторович, к.и.н., доцент
Воронежский государственный институт физической культуры
ksimonov76@mail.ru

ДЖ. КЕРЗОН И ПОЛИТИКА АНГЛО-ИНДИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА В 1901-1904 ГГ.©

В январе 1899 г. пост вице-короля Индии занял Дж. Керзон. С его именем связывается развертывание прямого военно-политического давления на Афганистан. В отличие от своих предшественников, он, блестящий знаток Востока, не настаивал на географическом расширении пределов Империи, но при этом был убежден, что районы, непосредственно прилегающие к границам Индии, необходимо превратить в зону преобладающего британского влияния.

Эффективным и в первое время достаточным средством подчинения азиатских государств новый вице-король считал строительство железных дорог на их территориях. Именно поэтому уже в феврале 1899 г. он предложил афганскому эмиру Абдуррахман-хану согласиться на установление железнодорожного сообщения от Пешавара до Хайберского ущелья и строительство телеграфной линии между Чаманом и Ланди-Коталем [11, p. 204]. Вице-король объяснял, что англо-индийскому правительству иначе будет трудно в случае необходимости предоставить военную помощь эмиру. Эта инициатива Дж. Керзона привела к серьезному обострению англо-афганских отношений. Абдуррахман-хан справедливо истолковал предложения главы колониальной администрации Индии как угрозу независимости своих владений. Политическая напряженность, возникшая между Кабулом и Калькуттой, сохранялась в течение последующих лет.

Очень скоро позиция англо-индийского правительства приобрела более конкретные очертания. Масштабность замыслов вице-короля и его окружения в отношении афганских территорий отражает служебная записка, направленная в середине 1901 г. Дж. Керзону главой разведывательного управления штаба англо-индийской армии. В этом документе содержались предложения добиться от эмира уступок по значительному перечню направлений двусторонних отношений. В их числе: а) развитие военной инфраструктуры по обе стороны индо-афганской границы; б) предоставление полной информации о состоянии афганской армии; в) установление британского контроля над военными поставками в Афганистан; г) улучшение системы транспортных коммуникаций от индо-афганской границы в направлении на Кабул и Кандагар; д) отказ афганского эмира от поддержки пограничных племен; е) допуск британских военнослужащих в районы, непосредственно прилегающие к российско-афганской границе; ж) разработка совместных боевых операций на случай вторжения русских войск в Афганистан [7, p. 29].

© Симонов К. В., 2014

По сути дела, речь уже шла не о локальных оборонно-стратегических мероприятиях на индо-афганской границе, а о решительном пересмотре условий англо-афганских соглашений 1880 г. и 1893 гг.

Кончина Абдуррахман-хана 3 октября 1901 г. положила начало новому этапу в англо-афганских отношениях. Дж. Керзон, по словам его современника и биографа Л. Рональдшея, оценил складывающуюся ситуацию как вполне подходящую «для успешного разрешения политических противоречий между двумя странами». Он рассчитывал, что наследник Абдуррахман-хана – молодой эмир Хабибулла-хан, примет инициативы британской стороны [12, p. 196].

Пересмотреть всю сложившуюся за предшествующие двадцать лет систему англо-афганских отношений Дж. Керзон рассчитывал под тем предлогом, что соглашения с Абдуррахман-ханом имели якобы персональный характер и были заключены лично с ним как эмиром Афганистана, и, следовательно, Хабибулла-хан как преемник должен пойти на подписание нового договора. В нем-то и предполагалось отразить все изменения позиции британских колониальных властей в отношении афганского государства.

Осторожный намек на изменение действующих соглашений был сделан английской стороной в октябре 1901 г., когда столицу Афганистана посетила делегация индийских мусульман, передавшая эмиру поздравления от вице-короля по случаю восшествия на престол. Хабибулле-хану было предложено нанести официальный визит в Калькутту, столицу британских колониальных владений в Индии. Вслед за этим Дж. Керзон обратился к эмиру с личным посланием. Вице-король заверял нового кабульского правителя в своем искреннем желании крепить тесные дружеские связи между Британской Индией и Афганистаном. В то же время в письме был сделан намек, что «в скором будущем ряд вопросов, касающихся отношений между двумя правительствами… следует детально обсудить» [14, p. 136].

Хабибулла-хан в своем ответном послании к вице-королю от 31 октября 1901 г. «отказался от налаживания более тесных отношений, но клятвенно обещал оставаться верным соглашениям, заключенным его отцом, до тех пор, пока англо-индийское правительство также будет твердо придерживаться их условий» [8, p. 245]. Иными словами, эмир четко дал понять, что не видит никакой необходимости в подтверждении или пересмотре ранее подписанных соглашений между Великобританией и Афганистаном.

7 февраля 1902 г. Дж. Керзон направил еще одно письмо Хабибулле-хану. На этот раз он прямо указал, что «договор 1880 г. и связанное с ним обещание выплаты ежегодной денежной субсидии в 12 лакхов рупий, данное эмиру в 1883 г., являются персональными соглашениями с Абдуррахманом, которые прекратили свое действие с его смертью, и, следовательно, теперь необходимо выработать новые условия дальнейшего сотрудничества». Одновременно вице-король заверял Хабибуллу-хана в том, что «англо-индийское правительство не нацелено ограничивать полноту его власти», «движимо только искренними намерениями» и предложил «в дружеском духе обсудить проблемы, в которых одинаково заинтересованы обе стороны», для чего пригласил эмира «встретиться в Пешаваре в апреле или октябре 1902 г.» [Ibidem, p. 137].

Хабибулла-хан, проявив изрядную политическую мудрость и стойкость, не поддался на заверения Дж. Керзона. В своем ответном письме от 9 марта 1902 г. афганский правитель утверждал, что, по его мнению, «соглашения в 1880 и 1883 гг. заключались не как персональные, а как межправительственные, а потому не требуют возобновления». Кроме того, эмир написал о своем искреннем убеждении в том, что «до тех пор, пока он осуществляет свои внешнеполитические контакты при посредничестве английских колониальных властей в Индии, британское правительство должно выплачивать ему в полном объеме денежную субсидию и разрешать свободно, без каких-либо ограничений, импортировать оружие и снаряжение» [13, p. 243]. Ни на какие иные проявления внешней поддержки Хабибулла-хан не рассчитывал, утверждая, что «население его страны с подозрением относится к любой иностранной помощи» [11, p. 205]. На приглашение Дж. Керзона посетить Пешавар эмир ответил, что он в принципе согласен это сделать, но вынужден пока воздержаться от поездки в Индию, поскольку занят сложными и не терпящими отлагательств внутриполитическими делами. Тем самым предложение вице-короля было вежливо отклонено.

Дж. Керзон охарактеризовал послание Хабибуллы-хана как «чрезвычайно оригинальное, изобретательное и… исключительно трудное в плане подготовки ответа на него» [10, p. 241]. Действительно, эмир представил выгодную для себя трактовку англо-афганского соглашения 1880 г. в части условий, по которым Афганистану должна была предоставляться британская военная помощь, произвольно трактуя даже само это понятие. На самом деле, в договоре определялось, что британское правительство оказывает помощь Афганистану в борьбе против любой неспровоцированной агрессии в той мере и таким способом, который сочтет наиболее подходящим. Хабибулла-хан, очевидно, допускал излишне конкретное толкование соответствующих статей соглашения с тем, чтобы ограничить возможности английского вмешательства в дела своих владений.

С учетом интерпретации эмиром обязательств Великобритании, вице-король счел необходимым решительно пересмотреть практику снабжения Афганистана оружием и воинским снаряжением, дабы, как он выразился, «остановить превращение афганских территорий в обширный арсенал, который может быть использован против Британии» [Ibidem, p. 242]. Предложение Дж. Керзона поддержал министр иностранных дел Г. Ленсдаун. Он настоятельно рекомендовал сформулировать ключевые положения текста ответного послания в Кабул так, чтобы «дать понять Хабибулле-хану, что ему не гарантировано сохранение всех тех уступок, которые были с самого начала сделаны его отцу». «Особенно это касается свободного ввоза вооружений в Афганистан и продолжения выплаты денежной субсидии», – подчеркивал глава Форин-офиса. Не менее категоричен был и министр по делам Индии Г. Гамильтон. В телеграмме от 30 мая 1902 г. он указал вице-королю, что «новые соглашения (*с афганским эмиром – К. С.*) теперь уже стали обязательны» [9, p. 181].

В итоге 6 июня 1902 г. Дж. Керзон направил в Кабул очередное послание, в котором говорилось, что «соглашение 1880 г. является исключительно персональным и потому никак не может быть распространено на наследника эмира Абдуррахман-хана; таким образом, ни денежная субсидия в 12 лакхов рупий, ни защита от внешней агрессии не могут быть потребованы Хабибуллой до заключения нового англо-афганского договора» [7, p. 31]. Эмир был также информирован, что неограниченные поставки вооружений в Афганистан более не соответствуют интересам Великобритании. Одновременно желая, скорее всего, рассеять возможные подозрения Хабибуллы-хана относительно своих дальнейших планов, Дж. Керзон сообщил, что не желает вмешиваться во внутренние афганские дела, и что, приглашая посетить Пешавар, он лишь рассчитывал «подписать новое соглашение, которое позволило бы точнее определить взаимные обязательства» Афганистана и Великобритании [14, p. 139]. Вице-король определил и те вопросы, которые следовало бы, по его мнению, обсудить в ходе личных переговоров и отразить затем в тексте будущего договора: присутствие британского официального представителя в Кабуле, развитие торгово-экономических связей между Афганистаном и Индией, позиция России в афганском вопросе и попытки царского правительства наладить прямые контакты с Афганистаном. Для обсуждения этих предложений эмир вновь приглашался посетить Пешавар в октябре 1902 г. [Ibidem].

На этот раз вице-король оставался в почти полном неведении о позиции кабульского правителя целых шесть месяцев. Ответ Хабибуллы-хана был датирован только 11 декабря 1902 г. Затянувшееся молчание было весьма показательно. Эмир, очевидно, понимал все выгоды своего тогдашнего положения. В этой связи, предпринятые царским правительством в 1900-1902 гг. настойчивые попытки восстановления прямых отношений с властями афганских пограничных провинций, предоставили Хабибулле-хану отличную возможность противодействовать давлению Дж. Керзона. Хотя кабульский правитель и не предпринял каких-либо ощутимых шагов к налаживанию непосредственных контактов с царской администрацией Туркестана, британские колониальные власти Индии в тот момент были серьезно обеспокоены самой возможностью политического сближения Афганистана и России.

Кроме того, еще одно направление в деятельности молодого эмира вызывало серьезную обеспокоенность вице-короля. Речь идет о контактах Хабибуллы-хана с пуштунскими племенами по обе стороны индо-афганской границы. Правитель Афганистана явно рассчитывал опереться на восточных пуштунов в своем противодействии нараставшему давлению англо-индийских колониальных властей. Племена же усматривали в афганском государстве пока единственную реальную силу, на помощь которой они могли рассчитывать в борьбе с «наступательной политикой» Великобритании. По сообщениям английских печатных изданий в Индии, «со времени вступления на престол Хабибуллы-хана, к нему начали являться депутации от афридиев. Польщенный таким вниманием к себе целого племени, он встречал их очень радушно и щедро одаривал подарками» [4, с. 6]. Так, уже в конце 1901 г. Кабул посетили 250 представителей афридиев «для поздравления эмира со вступлением... на престол, и для засвидетельствования перед новым правителем Афганистана верноподданнических чувств» [2, с. 3]. В дальнейшем делегации от пограничных племен посещали Кабул с завидной регулярностью.

Итак, Хабибулла-хан оставил без ответа июньское письмо вице-короля, проявлял все больший и больший интерес к полосе пуштунских племен на индо-афганской границе и, как казалось некоторым британским военным и дипломатам, был весьма серьезно настроен в отношении России. Дж. Керзон в такой ситуации склонен был проявить максимальную решимость, не идя ни на какой компромисс с эмиром. Полагая возможным переломить сложившуюся обстановку, он приступил к конкретным действиям. В августе 1902 г. англо-индийское правительство официально приостановило выплату ежегодной денежной субсидии эмиру и наложило запрет на поставки в Афганистан вооружения и боеприпасов (в это время в Пешаваре находилась крупная партия оружия, закупленного в Германии еще Абдуррахман-ханом: 18 полевых орудий, 12 скорострельных горных орудий и 2 гаубицы,) [13, col. 205]. Иными словами, афганской стороне решительно давали понять, что получение денежных средств и право закупки оружия – это уступки, сделанные англо-индийскими властями только эмиру Абдуррахман-хану и зафиксированные в соглашениях непосредственно с ним, и что на Хабибуллу-хана эти условия уже точно не распространяются.

Несмотря на сделанное предупреждение, напряженность в отношениях между Кабулом и Калькуттой продолжала нарастать. Англо-индийское правительство, считавшее, что эмир не решится на установление непосредственных отношений с Россией, было встревожено сообщениями из афганской столицы. В начале сентября 1902 г. эмиром был созван дурбар, на котором он зачитал письмо, исходившее, судя по всему, от политического агента России в Бухаре. По информации англо-индийских газет, «русские предлагали афганцам войти в более тесные коммерческие отношения и установить между начальниками пограничных гарнизонов на... границе вместо существующих... подозрительных и полувраждебных отношений более нормальные» [4, с. 4]. Хабибулла-хан открыто заявил, что если британские колониальные власти будут и далее препятствовать поставкам оружия из Европы в Афганистан через Индию, то ему придется добиваться решения этой проблемы другим путем. Северный будет избран маршрут для оружейного транзита или южный – в данном случае значения не имеет [9, p. 185]. Иными словами, молодой эмир прямо указал на возможность заключения соглашения с Россией хотя бы для поддержания афганских торгово-экономических интересов и повышения боеготовности вооруженных сил Афганистана.

Последовательный и решительный отпор со стороны Хабибуллы-хана британским методам политического давления вызвал серьезное беспокойство Дж. Керзона. Он уже склонялся к мысли о начале подготовки военного вторжения в Афганистан. 27 ноября 1902 г. вице-король направил Г. Гамильтону письмо, в котором

прогнозировал «переход афганского правителя на сторону России» и в связи с этим предлагал в качестве упреждающей меры «стремительным броском занять Кабул и Кандагар и отодвинуть границу к рекам Гиришк и Гильменд» [10, p. 243]. Министр по делам Индии разделял оценку сложившейся ситуации вице-королем и в ответном письме поддержал идею проведения военной операции, высказавшись в том смысле, что дальнейшее увещевание афганского правителя может действительно вызвать крайне нежелательный результат [Ibidem].

Однако прозвучали и более сдержанные суждения. 9 и 18 декабря 1902 г. афганский вопрос подробно обсуждался на заседании правительства, и лондонский кабинет высказался против начала военных действий в Афганистане, так как, по мысли А. Бальфура, нового британского премьера, еще сохранялась возможность наладить дружеский диалог с эмиром. В итоге 19 декабря Г. Гамильтон, изменив свою первоначальную позицию, телеграфировал Дж. Керзону, что пока «следует действовать в высшей степени осторожно и не использовать военные акции» [9, p. 188].

Тем не менее, к концу 1902 г. кризисная ситуация, сложившаяся в англо-афганских отношениях, объективно, была далека от разрешения. 11 декабря после длительного молчания Хабибулла-хан направил вице-королю личное послание, но его общий тон и содержание свидетельствовали, что эмир не отказался от ранее сделанных заявлений. В частности, он указал, что «поскольку ни у кого не возникло мысли о необходимости возобновлять англо-афганский союз после смерти королевы Виктории, то нет нужды делать это и сейчас, после смерти его отца». О решительном настрое эмира говорит и тот факт, что он потребовал от вице-короля объяснений в связи с задержанием на территории Британской Индии оружия и боеприпасов, закупленных Афганистаном. Хабибулла-хан выразил свое крайнее разочарование действиями англо-индийской колониальной администрации, которая, по его словам, вместо оказания всесторонней и бескорыстной помощи афганскому государству, в трудный для него момент прекращает выплату денежной субсидии его правителю [7, p. 31].

По ряду важных политических проблем кабульский правитель высказался даже с некоторой угрозой в адрес Великобритании. Он писал, в частности, что если вице-король продолжает рассматривать соглашения 1880 г. и 1883 г. как утратившие силу, то, следовательно, афганские власти могут уже не ограничивать себя в контактах с Россией и другими странами. Эмиром был поднят еще один всегда болезненно воспринимавшийся английскими колониальными чиновниками вопрос: если все соглашения периода правления Абдуррахман-хана теперь признаны де-факто недействительными, то как при новых политических реалиях будет складываться ситуация на границах Афганистана и британских владений в Индии, и могут ли там в ближайшее время произойти серьезные осложнения [Ibidem]?

По вопросу предоставления британской военной помощи, о чем так настойчиво напоминал вице-король, эмир утверждал, что англо-индийский кабинет не несет никаких обязательств по отражению иностранной агрессии, направленной против Афганистана. «Если правительству Британской Индии важно, чтобы афганское государство оставалось надежным препятствием на пути русской агрессии, оно должно посылать только оружие и деньги, но не войска», – писал эмир Дж. Керзону [9, p. 169].

Иными словами, Хабибулла-хан ясно показал английской стороне всю слабость занятой ею позиции. Он советовал как можно скорее отказаться от нее, не настаивать на персональном характере соглашений 1880 г., 1883 г., 1893 г. и не требовать их пересмотра под предлогом возобновления с ним лично, ибо это может привести к еще более значительным разногласиям и реальным политическим осложнениям. Эмир четко дал понять, что Великобритании было бы более выгодным в такой непростой ситуации поскорее признать сложившийся порядок и не претендовать на что-то большее.

Дж. Керзон был всерьез озабочен позицией, которую занял эмир, но, тем не менее, проявил завидную выдержку. Следуя указаниям Г. Гамильтона, он и теперь готов был выжидать и пока не применять силу, тем более что Хабибулла-хан в самом конце 1902 г. неожиданно принял британское посредничество для урегулирования т.н. сеистанского вопроса в отношениях между Афганистаном и Персией. Их территориальные разногласия должна была решить английская миссия майора А. Г. Мак-Магона, которой Хабибулла-хан позволил проследовать через афганскую территорию к персидской границе.

Миссия прибыла в Сеистан в начале 1903 г. А. Г. Мак-Магона сопровождал весьма внушительный для решения поставленных задач военный эскорт. Он насчитывал 260 солдат и 11 офицеров. Общая же численность британского отряда составила вместе с обслуживающим персоналом из числа туземцев 1500 человек. Английские военные находились на персидско-афганской границе до мая 1905 г., занимаясь формально разграничением спорной территории и рассмотрением вопроса о разделе вод реки Гильменд. Однако столь длительный срок пребывания миссии А. Г. Мак-Магона в Сеистане, скорее, говорил о том, что английских представителей интересовали на самом деле совсем другие вопросы. По вполне справедливой, на наш взгляд, оценке подполковника Л. Г. Корнилова, в то время офицера штаба Туркестанского военного округа, «исправление… границы послужило для Англии лишь благовидным предлогом ввести в Сеистан, под видом конвоя разграничительной комиссии, отряд войск и подготовить окончательную оккупацию этой в высшей степени важной в стратегическом отношении области» [6, с. 28]. С другой стороны, тот факт, что именно под британским флагом осуществлялась демаркация линии афганской границы на западе, вновь подтверждал особую роль Великобритании в решении вопросов, касавшихся отношений Афганистана с иностранными государствами.

Англо-индийское правительство было, безусловно, удовлетворено таким подобным развитием ситуации. В середине апреля 1903 г. в письме к Г. Гамильтону Дж. Керзон признал, что эмир «двигается целиком в верном направлении» [10, p. 244]. Желая закрепить наметившиеся успехи своей внешней политики и далее контролировать контакты Кабула с сопредельными территориями, вице-король настоял на участии британских представителей в урегулировании спорной ситуации теперь уже на российско-афганской границе. Дело касалось восстановления разрушенных пограничных столбов в районе Термеза и Кушки.

С этой целью осенью 1903 г. в афганский Герат были направлены майор Венлис и ответственный сотрудник департамента иностранных дел англо-индийского правительства Г. Доббс [1, д. 745, л. 39]. И хотя пограничные столбы на участке российско-афганской границы были восстановлены еще до их появления, оба оставались на афганской территории продолжительное время, занимаясь сбором информации военно-политического характера. Кроме того, присутствие Венлиса как военнослужащего англо-индийской армии на территории Афганистана должно было, с точки зрения вице-короля, положить начало практике направления в эту страну британских офицеров в качестве военных советников. Дж. Керзон усматривал в этом шанс добиться реализации с течением временем хотя бы части своих планов по превращению афганского государства в верного союзника Великобритании.

Однако его проекты опять затормозились на стадии практической реализации. Губернатор Герата, по личному указанию эмира, отказался иметь дело с официальными представителями английской стороны. Когда Г. Доббс и Венлис попросили разрешения проехать по соседним провинциям, то получили решительный отказ. В скором времени Хабибулла-хан потребовал от них покинуть территорию Афганистана, причем возвращаться в Индию предписывалось не через Кабул или Кандагар, а через персидский Мешхед. Афганские власти явно не хотели, чтобы Венлис и Г. Доббс стали свидетелями событий, происходивших за пределами Герата. В итоге летом 1904 г. оба выехали из Афганистана. «Ситуация, – писал Дж. Керзон Г. Гамильтону, комментируя произошедшие события, – наглядно демонстрирует всю абсурдность сложившейся системы, при которой мы ровным счетом ничего не знаем о том, что делается в столице субсидируемого правителя и так называемого союзника в 150 милях от нашей собственной территории» [9, p. 67].

Таким образом, к середине 1904 г., несмотря на все приложенные усилия, столь желаемого Дж. Керзоном развития англо-афганские отношения так и не получили. Эмир, как и прежде, не соглашался приехать в Индию для ведения переговоров и придерживался уже известной оценки соглашений 1880 г. и 1893 г. Все попытки английской стороны хоть как-то повлиять на него оказались безуспешными. В Лондоне сделали вывод, что новый афганский правитель «избрал тактику затягивания времени, чтобы вынудить Великобританию оставить соглашения без изменений» [13, p. 244]. Однако Дж. Керзон по-прежнему заверял правительство, что сможет достичь требуемого результата. Он снова и снова обращался к эмиру, заверяя того, что британские власти не желают строить свою дальнейшую политику в отношении Афганистана более жестко, чем при его отце, Абдуррахман-хане, и в который раз приглашал лично встретиться и всесторонне обсудить развитие двусторонних отношений.

Ответные письма Хабибуллы-хана были посланиями хитрого и очень изобретательного спорщика. Эмир сочетал уважительные обращения и отдельные комплиментарные выражения с настоятельными требованиями возобновить ему выплату денежной субсидии и вернуть право на свободный импорт вооружений из Европы. Он заверял вице-короля в том, что готов к налаживанию дружеских отношений с англо-индийским правительством и не нацелен идти на сближение с Россией, но при этом вступал в решительную полемику с Дж. Керзоном относительно условий британского контроля над внешней политикой Афганистана, а также по поводу продолжающихся контактов Кабула с пуштунскими племенами [7, p. 37]. Иначе говоря, Хабибулла-хан предлагал Дж. Керзону сделать выбор: согласиться на продление лично с ним всех договоров, заключенных ранее с Абдуррахман-ханом, либо быть готовым к тому, что он, эмир Хабибулла-хан, будет считать себя свободным от любых уже оговоренных обязательств. В таком случае, как правильно понял вице-король, английским властям гарантировались серьезные осложнения в зоне племен на границе Афганистана и британских владений в Индии.

События лета и осени 1904 г. наглядно продемонстрировали, что угрозы со стороны эмира не были пустым звуком. Контакты Кабула с пуштунскими пограничными племенами вновь активизировались. В своей столице Хабибулла-хан принял делегацию (джиргу) афридиев из нескольких сот человек. Всем посланцам были вручены значительные денежные суммы, а в личном обращении к пуштунским делегатам эмир просил и впредь сохранять верность ему как «главе ислама» [5, с. 13, 17]. Непосредственным результатом этих встреч можно считать серию нападений афридиев на английские гарнизоны в Когате, долине Куррам и в районе Пешавара (сентябрь-октябрь 1904 г.).

Несмотря на возраставшее сопротивление эмира, курс английской политики в отношении Афганистана в целом оставался неизменным. Даже после отъезда Дж. Керзона в Лондон и с занятием поста вице-короля на период его отсутствия Дж. Эмпфилом вопрос о продлении или пересмотре прежних англо-афганских соглашений носил исключительно теоретический характер. Желание нового (временного) главы колониальной администрации Индии подробно обсудить с эмиром условия договоров 1880-1890-х гг. диктовалось стремлением заключить новое соглашение, положения которого позволили бы Великобритании значительно усилить свое военно-политическое влияние в Афганистане, чтобы увереннее противостоять наступательным планам России в отношении Индии. Именно это обстоятельство теперь четко выходило на первый план. 7 ноября 1904 г. Дж. Эмпфил написал королю: «Неудачи русских войск в войне с Японией вполне могут побудить царские власти к проведению агрессивных действий в Афганистане и, чтобы успешно противостоять им, необходимо заключить военный союз с эмиром» [8, p. 253]. Аналогичные взгляды высказывал и главнокомандующий англо-индийской армией генерал Г. Китчинер. Его план был кратким переложением инициатив Дж. Керзона трехлетней давности и предусматривал получение согласия эмира на присутствие английских офицеров в стратегически важных центрах Афганистана, а также возможность вступления британских войск на его территорию в случае войны с Россией [7, p. 42].

В октябре 1904 г. англо-индийское правительство выработало на этот счет согласованные предложения. Помимо сохранения контроля за внешней политикой Кабула, Дж. Эмпфил рассчитывал добиться от эмира дополнительных уступок. Они касались, прежде всего, улучшения стратегических транспортных коммуникаций на индо-афганской границе в случае роста военной угрозы со стороны России, допуска британских офицеров в крупные города Афганистана, предоставления Великобритании права ввести свои войска на территорию Афганистана с началом русской агрессии и контроля над расходованием денежных средств, передаваемых эмиру [8, p. 253]. Практически эти условия означали принятие с незначительными корректировками первоначальных расчетов Дж. Керзона.

Дж. Эмпфил понимал, что добиться реализации поставленных планов можно лишь вступив в переговоры с эмиром о подписании нового соглашения. И, поскольку Хабибулла-хан уже несколько раз отказывался от предложений Дж. Керзона прибыть в Индию для обсуждения всех острых проблем двусторонних отношений, Дж. Эмпфил в личном письме эмиру от 10 сентября 1904 г. предложил направить английскую дипломатическую миссию для ведения переговоров в Кабул.

Хабибулла-хан словно ждал этой инициативы. Уже 22 сентября он объявил, что согласен обсудить с высокопоставленным представителем вице-короля все спорные вопросы [7, p. 40]. Эмир пошел на такой шаг поскольку, очевидно, не допускал возможности полного разрыва с Великобританией.

К тому времени и позиция Дж. Керзона относительно характера и перспектив дальнейшего развития отношений Англии и Афганистана в значительной степени смягчилась. Так, в проекте инструкции руководителю дипломатической миссии, направляемой в Кабул, он призывал говорить с эмиром «открыто и без критицизма», «вопрос о железных дорогах… не поднимать», «не настаивать на оказании нежелательной поддержки (*Афганистану – К. С.*)» в случае начала военных действий против России, возобновить выплату денежной субсидии [9, p. 153]. Самое главное, Дж. Керзон допускал возможность возобновления соглашения 1880 г. в форме персональной договоренности с Хабибуллой-ханом. Таким образом, руководитель англо-индийской колониальной администрации фактически признавал отказ от своих планов пересмотра отношений с Афганистаном.

Список литературы

1. **Архив внешней политики Российской империи** (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 485.
2. **Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом** (СКССТВО). Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1902. Вып. 31.
3. **СКССТВО.** Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903. Вып. 35.
4. **СКССТВО.** Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903. Вып. 36.
5. **СКССТВО.** Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1904. Вып. 55.
6. **СКССТВО.** Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1904. Вып. 59.
7. **Adamec L. W.** Afghanistan. 1900-1923. A Diplomatic History. Los Angeles: University of California Press, 1965. 245 p.
8. **Bilgrami A.** Afghanistan and British India. 1793-1907. A Study in Foreign Relations. New Delhi: Sterling Publishers, 1972. 360 p.
9. **Dilks D.** Curzon in India: 2 Vol. L.: Hart-Davis, 1969-1970. Vol. 1. 296 p.
10. **Gopal S.** British Policy in India. 1858-1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. 436 p.
11. **Rastogi R. S.** Indo-Afghan Relations. 1880-1900. Lucknow: Nav-Jyoti Press, 1965. 256 p.
12. **Ronaldshay L.** The Life of Lord Curzon: 2 Vol. L.: Ernest Benn, 1928-1929. Vol. 2. 316 p.
13. **The Parliamentary Debates** (Authorized Edition), Fourth Series. Third Session of the Twenty – Seventh Parliament of the Great Britain and Ireland. L., 1902. Vol. 113.
14. **Tripathi D. P.** Indo-Afghan Relation. 1882-1907. New Delhi: Kumar Bros., 1973. 203 p.

G. CURZON AND THE POLICY OF THE ANGLO-INDIAN GOVERNMENT REGARDING AFGHANISTAN IN 1901-1904

Simonov Konstantin Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State Institute of Physical Culture
ksimonov76@mail.ru

The author studies one of the most important stages of the history of the Anglo-Afghan relations at the beginning of the XX century, when on the viceroy of India G. Curzon‘ initiative the attempts of direct military and political pressure on Kabul were made. The aim of these attempts was to turn Afghan territory into the sphere of the predominant British influence. The attitude of the emir Habibullah Khan was pointed at the maintenance of the whole system of the Anglo-Afghan relations as they were, without any revision of them.

Key words and phrases: Great Britain; Afghanistan; the Anglo-Indian government; colonial policy; territorial disputes; foreign policy; diplomacy.